

Глава 5

ЖИЗНЬ СРЕДИ СЕМИ ВЕТРОВ

Воздух и его перемещения — то, с чем человек сталкивается ежедневно. Тем не менее в этнографии, социальной антропологии и социологии можно встретить лишь небольшое количество работ, касающихся осмысления взаимодействия человека с воздушным пространством [Ingold 2007], и в целом данная проблема является неразработанной. Как пишет британский антрополог Тим Инголд, апологет феноменологического подхода, воздух необходим людям, чтобы дышать, но, кроме того, создавая минимальное сопротивление, он позволяет людям перемещаться в пространстве [Ibid.: 25]. Иными словами, воздух является посредником для многих взаимодействий. И этот посредник — «не столько участник интеракции, сколько само условие интеракции» [Ingold 2010: 132]. Тем не менее философы и теоретики, отдавая предпочтение «твердым формам ландшафта», пренебрегали постоянным движением «посредника», в котором они находились, не придавая значения «воздушному измерению телесного движения и опыта» [Ibid.: 131]. Много внимания было уделено тому, как человек взаимодействует с различными предметами, как и очевидной способности вещей реагировать на это взаимодействие, а также тому, как люди и предметы комбинируются при выполнении различных действий, однако в анализе всех этих вещей никто не обращал внимания на воздух [Ibid.]. Таким образом, воздух оказался «материальным посредником, который избежал привязки к материальности» [Ibid.]. По Инголду, очерчивать границы материальности лишь вокруг поверхностей ландшафта, а также артефактов равносильно тому, чтобы рассматривать обитателей ландшафта и пользователей этих артефактов в вакууме [Ibid.].

Ветер в представлениях эвенков

Ветер — часть не только повседневных практик северобайкальских эвенков, но и их мифологии. Он является не только способом перемещения воздуха, но также креативной и разрушительной си-

лой. Вообще, воспринимаемый как нечто невидимое, ветер выступает как «непреодолимая сила, которая воздействует на систему органов чувств человека и порождает культурно- и контекстно специфические дискурсы» [Panda 2007: 91]. Не удивительно, что многие анимистические космологии придавали большое значение ветру [Ingold 2007: 31]. Более того, само слово «анимизм» происходит от латинских слов *animare* (давать жизнь) и *anima* (дыхание), которые, в свою очередь, происходят от греческого слова *anemos*, означающего «ветер» [Ibid.]. Наконец, латинское слово *animus* (дух) и греческое *anemos* (ветер) происходят от глагола, который сохранился в санскрите — *aniti* (дуть) [Nagy 1999: 47]. По воззрениям эвенков, ветер происходил от дуновения верховного божества *сэвэки* (*шэвэки*) [Василевич 1969: 212]. Они считали, что он дул для того, чтобы отгонять комаров и мошек, и что его можно вызвать с помощью магии — кручением жужжалки [Там же].

По представлениям эвенков, сильный ветер может быть причиной недовольства со стороны шаманских духов. Например, В. И. Иохельсон [2005 (1926): 317] описывает ситуацию, когда он вскрыл гроб, находившийся на тунгусском воздушном захоронении, извлек его содержимое, а впоследствии поднялся сильный ветер, который не прекращался несколько дней. Эвенки считали, что причиной этого ветра было недовольство шаманского духа неучтывым поведением исследователя. Вообще, в юкагирском языке названия ветров и частей света являются синонимами [Там же: 285–286]. В своем камлании юкагирский шаман обращался к восьми ветрам [Там же]. Удские эвенки и эвенки с Подкаменной Тунгуски считали смерч (*учир*) злым духом и боролись с ним с помощью острых предметов, которые охотник выставлял по направлению к нему, а если он доходил до охотника, то начинал рубить воздух [Там же]. В деревне Холодная ветер служит также метафорой для обозначения ситуации, когда несколько человек умирают один за другим через непродолжительный промежуток времени. Следующие друг за другом смерти местные жители называют «поветрием». По их словам, они могут быть связаны с тем, что в местном музее хранятся шаманские принадлежности. Местные жители считают, что в них может быть заключена негативная сила, которая могла стать причиной «поветрия».

Считается, что природа может выражать свое отношение к людям путем изменения погоды [Сирина 2008: 125]. Ветер — индика-

тор подобных изменений. Важным моментом является то, что воздух не стоит на месте, а постоянно находится в состоянии движения [Ingold 2007: 28], и люди чувствуют его перемещение — ветер. Следует заметить, что эвенки связывали возможность движения с наличием особой силы [Василевич 1969: 227]. Все природные явления, находящиеся в движении, например тучи, дождь, ветер, реки, а также горы, так как они подвергались выветриванию и обвалам, эвенки считали *мусучи*, или «имеющие *мусун*», силу движения [Там же]. Кроме того, каждое явление природы имело своего духа-хозяина, которого также называли *мусун* [Василевич 1958: 266]. Таким образом, эвенки считали, что ветер находился в постоянном движении благодаря своему духу-хозяину.

Юкагиры также полагали, что ветры и их направления могут быть связаны с поведением духов-хозяев. В данном случае ветер выступает как «индекс присутствия духов» [Panda 2007: 92]. Например, А. Аргентов [ГАИО. Ф. 239. Оп. 1. Д. 610] описывает представления об особом ветре, который на Колыме был известен как *каменный*. Его особенностью является то, что он может дуть без определенного направления, то с одной, то с другой стороны [Там же]. Аргентов пишет, что такой ветер кружится вокруг утеса и не распространяется далеко от него. При этом его название, возможно, связано с тем, что утес или скалу часто называли «камнем». Однако он приводит также и второе возможное объяснение. Существовало представление, что на каждом крупном утесе есть свой особый камень [Там же]. Обычно он небольших размеров, находится в небольшом углублении, словно в гнезде, и постоянно поворачивается. Аргентов перечисляет, что он может быть похож на гуся, гагару, волчью голову или медвежью лапу. При этом направление *каменного* ветра будет связано с тем, куда этот камень повернется, а это, в свою очередь, связано с проявлениями «таинственного существа» духа-хозяина [Там же]. Следует также заметить, что на Нижней Оби *каменным* называли западный ветер, дующий со стороны Уральско-го хребта [Мурзаев 1984: 249].

Ветер и восприятие погодных явлений

Ощущать то, как и куда перемещаются потоки воздуха, важно и для восприятия погоды в целом. Согласно Ингольду, «чувствовать ветер не означает вступать во внешний, тактильный контакт с на-

шим окружением, но это подразумевает смешиваться с ним» [Ingold 2007: 19]. В этом смысле люди не касаются ветра, скорее ветер касается людей, окруженных им [Ibid.: 29]. В восприятии погодных явлений важную роль играет свет [Ingold 2005]. Тем не менее, согласно Гибсону, люди не видят самого света [Gibson 1979: 54–55], скорее они видят «поверхности предметов так, как они освещаются» [Ingold 2005: 101]. В то же время люди могут наблюдать погоду в конкретный момент времени только благодаря тому, что они могут слышать, осязать и чувствовать запах [Ibid.: 97]. Согласно Инголду, погода — это не то, что люди воспринимают как внешние наблюдатели, скорее они воспринимают ее, будучи окруженными природными явлениями, то есть являясь инсайдерами [Ibid.: 102]. Иными словами, важную роль в восприятии погоды играет личный опыт [Ingold, Kurttila 2000: 187].

Знания местных жителей о ветре и погоде вообще нужно рассматривать не как то, что присутствует в виде набора предписаний и формул, а как то, что люди накапливают благодаря своему жизненному опыту, жизни в определенном месте и передвижению в окружающей местности [Ibid.]. Рыбаки и охотники Северного Байкала постоянно перемещаются на большие расстояния. Можно сказать, что для жителей Северного Байкала восприятие погоды тесно связано с их практиками и перемещением в ландшафте. Тем не менее процесс получения знания следует рассматривать не как процесс получения информации во время пребывания в многочисленных неподвижных точках маршрута, но как результат интенсивного перемещения по местности [Ingold 2010: 121]. Иными словами, знание о погодных условиях и окружающей местности формируется в процессе постоянного движения, перемещения из одного места в другое [Ibid.]. Формирование этого знания происходит в окружении воздуха, следовательно, телесное знание (*embodied knowledge*) возможно только благодаря тому, что тело «обдуваемо со всех сторон ветром» (*enwinded*) [Ingold 2007: 32; 2010: 136].

Опыт переживания погодных явлений тесно связан с индивидуальными историями жизни (*life-histories*), например с воспоминаниями из детства, с памятью переживания стихийных бедствий [Ingold, Kurttila 2000: 187]. В то же время рассказы о погодных явлениях обычно вплетены в нарративы, касающиеся выполнения определенных задач в рамках повседневных практик местного сообщества, а также различных событий [Там же]. Например, в Холодной

ветры являются частью нарративов рыбаков. В этой эвенкийской деревне рассказывают историю о том, как пожилая шаманка Анна Тулбуконова, которую называли Аннушка или бабушка Анна [АМАЭ РАН. Ф. 12. Оп. 1. Д. 39: 146–162], спасла рыбаков во время шторма. По рассказу Алексея Алексеевича Ганюгина, эвенки как-то раз плыли на лодке по Байкалу. Поднялся сильный ветер, лодка могла легко перевернуться от его порывов. Тем не менее шаманка, которая плыла на этой лодке с рыбаками, с помощью своей силы сделала так, что образовался огромный коридор, где не было ни волн, ни ветра. По этому коридору рыбаки смогли добраться до берега, хотя вокруг бушевал шторм. Аннушка считалась среди эвенков сильным шаманом, ее сила была в том, что она могла управлять природными явлениями, а также лечить различные заболевания без применения специальных лекарственных средств.

Игорь Крупник пишет, что в отличие от научного наблюдения, в котором ученые фиксируют изменения температуры и атмосферного давления, для юпик (Yup'ik) из Северной Америки важны малейшие изменения воды в океане и ветра [Krupnik 2004]. Тем не менее опыт погодных явлений, переживаемый представителями коренных народов, не менее «реален», чем записи и измерения климатических явлений, проводимые учеными [Ingold, Kurttila 2000: 195]. В то же время одно из самых важных отличий местных экологических знаний от научных состоит в том, что первые зависят в основном от «местных социальных механизмов» (“local social mechanisms”), играющих важную роль в интеграции экологических знаний различного рода [Berkes, Colding, Folke 2000: 1256–1257]. В Байкальском регионе эти знания касаются таких практик, как охота, рыболовство, оленеводство. Например, рыбалка на севере Байкала требует от людей быть более чуткими к изменению погодных условий. Рыбаки рефлексируют малейшие изменения ветра. Это особенно важно во время рыбалки и охоты на нерпу. Несмотря на то что для посещения места охоты и рыбалки местные жители могут использовать средства передвижения, в случае, если заглохнет мотор, при сильном ветре будет достаточно сложно добраться до берега.

Влияние ветра на практики мобильности

Следует отметить, что ветер влияет на процесс передвижения, осуществляемого как с помощью транспортных средств, так и пеш-

ком [Ingold, Kurttila 2000: 188]. Использование транспортных средств изменяет восприятие людьми погодных явлений, а также сам процесс движения. Например, на восприятие ветра влияет не только направление движения транспорта, но и скорость, с которой данное средство перемещается [Ibid.]. Таким образом, о погодных явлениях люди могут судить не только по своему телесному опыту (*bodily experience*), но и по тому, как функционирует их средство передвижения [Ibid.]. Так, при сильном морозе достаточно сложно завести лодочный мотор. Когда мотор на холоде не заводится, местные рыбаки обычно говорят, что мотор «зачегдянился». Это буквально означает, что он замерз, покрылся тонким слоем льда. Виктор Алексеевич Ганюгин говорит, что эвенки обычно употребляли слово *чегдян* по отношению к следам или капканам, когда они покрывались ледяной корочкой. В таком случае рыбаки обычно отогревают мотор с помощью огня. Для этого они наливают бензин в пустую консервную банку, поджигают его и осторожно подносят эту банку к мотору, чтобы растопить лед, которым он покрылся.

Функционирование различных средств передвижения зависит от погоды, и при сильном ветре достаточно сложно управлять как мотоциклом, так и моторной лодкой. Например, на горном озере Номама ветер часто препятствует перемещению на лодке с помощью весел. Часто лодка движется в два-три раза медленнее, чем если бы человек передвигался пешком, и для того, чтобы доплыть до другого края озера, находящегося примерно в четырех километрах, при сильном ветре может потребоваться несколько часов. Когда плывешь в такой лодке, создается впечатление, что она стоит на месте, даже если два человека гребут изо всех сил. Тем не менее летом, так как берега озера заболочены и пешее передвижение также затруднено, местные жители, если им нужно попасть на противоположную сторону озера, предпочитают плыть на лодке (рис. 20).

Лодки остаются единственным транспортным средством в лабиринте проток рек Кичера и Северная Ангара, расположенных к северу от Байкала, а ветры сильно замедляют движение, особенно если рыбаки используют весла. Аналогичные трудности для передвижения на лодках создают ветры на Байкале. Например, исследователь Г. Радде, побывавший на западном берегу озера, отмечал, что «почти каждое утро, несколько часов после восхода солнца, поднимался противный ветер, который иной раз до того усиливался, что принуждал его причалить к берегу» [Радде 1858: 112].

Рис. 20. Валерий Филимонов определяет силу и направление ветра перед путешествием по озеру Номама. Северобайкальский район, Республика Бурятия, август 2009 года (фото В. Н. Давыдова)

Прогнозирование погодных явлений

В то же время ветер неразрывно связан с другими погодными явлениями и может выступать их причиной. В повседневных практиках жителей Северного Байкала важный элемент прогнозирования погодных явлений — определение направления движения воздуха. Для того чтобы спрогнозировать погоду или предположить погодные условия в данный момент времени в горной тайге или на реках Кичера или Верхняя Ангара, важно знать направление и силу этого движения. По изменению направления ветра местные жители способны предположить, будет холодно, солнечно или пойдет дождь или снегопад. Например, в один ветренный день рыбак из деревни Туртукиит, которая расположена в нескольких километрах от Холодной, направился к своему другу в Холодную, так как предполагал, что тот, скорее всего, останется дома из-за порывистого ветра на реке. Его прогноз оправдался, и он застал своего друга в деревне. Действительно, прежде чем ехать на реку, его товарищ посмотрел на скорость и направление ветра. Поскольку ветер был достаточно

сильный, он решил остаться дома. Такие предсказания погоды, а также прогнозирование силы и направления ветра требуют владения локальным экологическим знанием [Langton 2006: 158]. Для местных жителей знание о дневных и сезонных ветрах и их свойствах — важный инструмент в выборе мест, где можно разбить лагерь, когда и как передвигаться, а также любых практик, связанных с использованием местного ландшафта [Ibid.].

Находясь в домах, о наличии ветра жители Холодной узнают не только по шуму и движению веток деревьев или снега за окном, но и по скрипу домов. Обычно сильный ветер сопровождается поскрипыванием бревен в домах, стуком. Важную роль в восприятии ветра играют зрение, слух и осязание [Ingold 2007: 30]. Так, с помощью осязания люди воспринимают отсутствие или наличие ветра, несмотря на то что до ветра невозможно дотронуться руками [Ingold 2005: 103]. Например, Э. Б. Петри [1830: 36] писал, что тутурские эвенки «зорко следят за состоянием неба» и «к началу большого снегопада стараются выбраться из гор». В данном случае изменение облачности на небе оценивалось преимущественно с помощью зрительного восприятия.

Ветер как переносчик запахов

В жизни охотников Северного Байкала большое значение имеет обоняние. Ветер способен переносить запахи на расстояние. Каждый вид животных обладает своим специфическим запахом. Так, по представлениям охотников и собирателей хойсан (Khoisan) из Южной Африки, именно ветер соединяет охотника с его добычей, подобно нити, которая тянется от одного тела к другому [Low 2007: 75]. Тем не менее эта нить может рассматриваться как запах, который распространяется в воздухе и доносится посредством его движения [Ingold 2010: 131]. Некоторые опытные охотники умеют различать запахи животных. Например, В. К. Арсеньев [1926: 397] описал случай, когда охотник-гольд сумел определить наличие кабанов в лесу по запаху. Ране Виллерслев также наблюдал, как юкагирские охотники определяли наличие лося или медведя в тайге по специфическому запаху в воздухе [Willerslev 2007: 80]. Как охотник может определить наличие зверя по запаху, был ли он в данном месте, так и животные чувствуют человеческий запах [Ibid.: 79–82]. Хорошо чувствует запах различных животных собака, поэтому

она — незаменимый помощник на охоте. Например, Г. Федосеев [1976: 67] писал, что «среди сотни запахов живых и мертвых существ, лишайников, болот, цветов она легко уловит запах следа раньше прошедшего зверя». Распространение запаха связано с направлением ветра, поэтому лучше подкрадываться к зверю тогда, когда ветер дует на охотника. В данном случае важно не только, чтобы животное не почувствовало запаха, но и то, чтобы оно не увидело и не услышало охотника. Так, охотники-эвенки, передвигаясь на лыжах-голицах, на носки которых надевались чехлы из заячьих шкурок, скрадывали дикого оленя (эв. *баюн*, *бэюн*) «на предельно короткое расстояние, заходя против ветра» [Туров 1990: 49]. Для зверя человеческий запах может выступать сигналом опасности [Зеленин 1929: 27]. Как писал Б. Э. Петри [1930: 55], «даже раненый лось, увидав человека или услышав его запах, убегает, причем бежит очень быстро до полной потери сил... Даже собак оставляет далеко позади...»

Чтобы зверь не почувствовал человеческого запаха, охотники используют специальные средства. Например, для того чтобы запах был менее выражен, они обычно подолгу моются в бане перед выходом на охоту. Юкагиры считают, что хороший охотник — тот, который умеет хорошо бороться со своим запахом [Willerslev 2007: 83]. Для этого охотники, когда моются в бане, используют вместо мыла веники из березы, так как лось, который чувствует запах березовых листьев, не убегает, а наоборот, подходит ближе к охотнику [Ibid.]. Кроме того, с тонким обонянием зверей могут быть связаны некоторые табу охотника [Зеленин 1929: 23]. Согласно Зеленину [Там же: 24], в поведении охотника многое может быть объяснено «стремлением предохранить все свои снасти и себя самого от запахов, которые мог бы “учуять” зверь и которые должны испугать зверя. Поэтому избегается не только резкий запах дегтя (креозота), паленых перьев или горелого мяса, потных портянок и т. п., но и запах от грязных рук охотника, “жилой” запах избы, где лежали охотничьи снасти или одежда охотника» [Там же]. Более того, охотники стараются не трогать голыми руками приманку или капканы, чтобы они не распространяли запах человеческого тела, а допускаются лишь «лесные» запахи, то есть те, которые не испугают животных [Там же]. Таким образом, для того чтобы не спугнуть зверя сильным человеческим запахом, охотники стараются соблюдать специальные табу и предписания.

В частности, широко известно табу на половые отношения с женщиной накануне охоты [Зеленин 1929: 23–39; Willerslev 2007: 83, 140]. Кроме того, у юкагиров женщина не должна трогать охотничье оружие [Willerslev 2007: 140], а охотники стараются держаться на расстоянии от детей накануне охоты, так как считается, что дети обладают сильным человеческим запахом [Ibid.: 83]. Спутником человека на охоте часто выступает собака, поэтому ряд запретов распространяется также на охотничьих собак. Например, герой романа Г. Федосеева Улукиткан никогда не разрешал гладить своего пса по кличке Качи и не позволял до него дотрагиваться другим, так как считал, что человеческий запах может долго сохраняться на собачьей шерсти, не смывается дождями и способен отпугнуть от собаки остановленного ею зверя [Федосеев 1976: 298]. Считается, что нарушение подобных запретов может привести к потере охотничьей удачи, или, как говорят в Холодной, если нарушать подобные предписания, то «фарта не будет». Отсутствие удачи на охоте часто объясняется как следствие неправильного поведения охотника [Willerslev 2007: 43], то есть как следствие нарушения им норм экологической этики.

Следует заметить, что воздух, или его направленное движение (ветер), выступает здесь как посредник, который способен перемещать запахи в пространстве. В практике охотников чрезвычайно важно различать запахи, чтобы суметь определить наличие зверя в лесу, а также научиться контролировать распространение тех запахов, которые могут испугать животное. Для этого следует не только соблюдать специальные предписания, связанные с тем, чтобы уменьшить силу человеческого запаха на снастях и одежде, но также постоянно отслеживать малейшие изменения ветра, чтобы контролировать распространение запаха. Здесь также важно знать, какие места являются более ветренными, а в каких ветер практически не дует. Ветер может влиять также на направление перемещения животных. Например, по наблюдению охотника Анатолия Шишмарева, который работал в общине «Улуки», глухари перемещаются в соответствии с ветром: «*По ветру они идут. Они же тяжелые птицы*». Анатолий также заметил, что когда ветер дует с гольцов, то олени спускаются вниз. Таким образом, знание о ветре может использоваться не только как инструмент контроля охотника над человеческим запахом, но, зная направление ветра, можно определить пути миграции некоторых животных.

Знания о ветре и оленеводство

Исторически ветры играли очень важную роль в северобайкальском оленеводстве. Андрей Арпиульев сообщил, что старики-эвенки называли ветер *эдын* (эв.). Он вспомнил также, что, если ветер был шквалистый, они говорили *шот эдын-дяран*, что означало «сильно ветер дует». В словаре Василевич [1958: 547–548] приводятся следующие словосочетания: *арчаптыки эдын* — встречный ветер, *тагаптыки эдын* или *асаптыки эдын* — попутный ветер, *эдын эдигит* — низовой ветер и *эдын солигит* — верховой ветер. Пана Платоновна Лекарева из Холодной сообщила, что когда дул сильный ветер с гор, то местные эвенки говорили *эдын дяран уралдун* (эв.), а когда был сильный ветер с вихрями — *суи дяран* (эв.). Вообще разные группы эвенков имели свои названия для ветров, которые были характерны для той или иной местности. Например, в верхнеалданско-зейском диалекте южный теплый ветер назывался *ламус* [Там же: 233]. В то же время в олекминском и тунгирском говорах витимо-олекминского диалекта данное слово означало плохую погоду, а фраза *ламускит эмэдэрэн* — «наступает плохая погода» [Там же].

Каждое место может быть охарактеризовано с помощью различной степени ветренности. Знания о ветреных и безветренных местах очень важны для оленеводов, охотников и рыбаков. Есть места, которые люди используют для того, чтобы скрыться от ветра, есть участки, где ветер будет дуть немного сильнее, например, как это происходит на открытых безлесных пространствах. Более ветренные и холодные участки в зимнее время — дороги [Ingold, Kurttila 2000: 189]. Тем не менее многие рыбаки из Холодной привыкли проверять сети при пронизывающем ветре. Из-за ветра на реке, так же как на любых открытых пространствах, кажется холоднее, чем в деревне. Поэтому жители Холодной во время зимней рыбалки могут делать перерывы. Для этого они обычно разводят костер на берегу, нагревают воду в котелке и пьют чай. Место, где охотники или рыбаки разводят костер, пьют чай и готовят пищу, местные жители называют *табор*. Подобное место также может использоваться для ночлега. Охотник Андрей Арпиульев из Холодной говорил в интервью, что пронизывающий ветер дует на открытых пространствах, особенно на Байкале, а «в лесу он несильно дует». По-разному ощущается ветер и на разных участках поселков. Например, в Холодной на улице Арпеульева, находящейся рядом со склоном горы, ветер

дует несколько слабее, чем на остальных улицах, которые несколько удалены от склона и поэтому сила ветра на них более ощутима. Сильные ветры в Холодной часто становятся причиной поломок на линии электропередач. Обычная ситуация, когда ветер рвет провода и часть улицы или даже целая деревня остается на некоторое время без электричества.

Восприятие того, в каком направлении дует ветер, важно в повседневных практиках оленеводов [Ibid.]. По словам Анатолия Шишмарева из Холодной, «ветер для оленей хорошо — от гнуса спасаются». На открытых и возвышенных местах он дует сильнее и спасает стадо от кровососущих насекомых [Сирина 1995: 83]. На Северном Байкале эвенки-олeneводы (*орочоны*) постоянно перекочевывали с одного места на другое. Тем не менее кочевали они не хаотично, а по определенному маршруту и использовали определенные летние и зимние пастбища. Осуществляемый ими выбор мест для стоянок был обусловлен рядом факторов. Как рассказывал Аркадий Петрович Лекарев из Холодной, проработавший много лет на оленеферме эвенкийского колхоза «Дружба» (который в 1930–50-е годы назывался «Вторая пятилетка»), эвенки всегда делали стоянки неподалеку от источников, водоемов, где можно было набрать питьевой воды: «Далеко за водой же не будешь бегать от места, где ты остановился». Место стоянок, как правило, хорошо обозревалось. Кроме того, при выборе таких мест оленеводы учитывали ветры, которые дуют в той или иной местности. В летний период они выбирали места, которые хорошо продувались. Например, в качестве летнего лагеря киндигирские эвенки использовали берег реки Холодной в двух километрах от устья. Эта местность находится на том месте, где заканчиваются горы и река выходит в широкую долину рек Верхняя Ангара и Кичера, обрамленную с двух сторон горными хребтами. В то же время эвенки избегали разбивать летние стоянки в местах, которые плохо продувались.

На северо-восточном берегу Байкала эвенки также выбирали хорошо продуваемые места для летних стоянок. В частности, летом шамагирские эвенки держали оленей недалеко от деревни Томпа на берегу Байкала [Забелин 1930]. Рядом с берегом было меньше мошки из-за ветра, который дул со стороны озера [Неупокоев 1928: 14, 15]. Зимой же эвенки, наоборот, искали места, где можно было скрыться от ветра и холода. Например, епископ Вениамин [1868: 203] писал, что поиск кочующих эвенков зимой составлял одну из

самых трудных обязанностей миссионера, потому что от ветров и холода они «забиваются в места уединенные, в ущелья гор и леса, по одной, по две и по три юрты».

Ветры Северного Байкала

В начале 1920-х годов на берегу реки Холодная стояло зимовье охотника и оленевода Савелия Шангина. По воспоминаниям его племянника, которого также звали Савелий Шангин, он был грамотным человеком, умел читать и писать. Поэтому, по словам Савелия, он был активно вовлечен в колхозное строительство, впоследствии работал председателем. Этот человек нередко помогал участникам этнографических экспедиций в поиске информантов и подборе предметов материальной культуры для музейных экспозиций. В частности, Савелий Шангин работал с участниками Тунгусской экспедиции Антропологического института и Московского государственного музея народоведения Б. А. Куфтиным, Я. Я. Рогинским и М. Г. Левиным [АМАЭ РАН. Ф. 12. Оп. 1. Д. 38, 39, 40, 51, 52].

В 1930 году К. А. Забелин в своем отчете упоминает «тунгусский поселок» на берегу реки Холодная [Забелин 1930: 55]. Это самое первое упоминание в печатном издании о поселке в данной местности. Впоследствии этот поселок стал называться Холодная, или по-эвенкийски Няндаракан (переводится местными жителями как «шкура»), и первое время использовался эвенками только в декабре и январе [Там же]. Строительство постоянной инфраструктуры и домов в поселке было продолжено в начале 1930-х годов и было связано с организацией эвенкийского колхоза, который был создан в 1933 году, отчего и получил название «Вторая Пятилетка». В начале 1930-х годов в деревне Холодная была только одна улица Чапаева, которая сейчас называется улица Арпеульева в честь местного героя Гражданской войны. Таким образом, поселок был построен в том месте, которое активно использовалось эвенками в их практиках еще до Октябрьской революции и создания колхозов.

Выбрал место для своего зимовья Савелий Шангин неслучайно. Как было упомянуто выше, оно находилось именно в той местности, где горный ландшафт сменялся равниной. Это место хорошо продувалось ветрами со стороны как Байкала, так и верховьев реки

Холодная. Как сказал Виктор Алексеевич Ганюгин, «ветры у нас постоянно, это обязательно». Вообще, местные жители сравнивают долину реки Холодная с трубой. По словам жителей Холодной, ветер дует по узкой долине реки «как по трубе». Этот ветер они называют так же, как и реку, — *холодная*. По словам охотника Андрея Арпиульева, раньше ветер, который дул по долине реки Холодная, называли *ичидониха* (слово происходит от местной эвенкийской фамилии Ичидонов).

Холодная обдувается со всех сторон. Местные жители выделяют семь основных направлений ветра, каждое из них имеет свое название. Так, они различают следующие ветры: *холодная, кичера, ангара, верховик, баргузин, сарма* и *култук*. Из-за направлений ветров Холодную также называют «деревней на семи ветрах». *Холодная, кичера* и *ангара* — это местные ветры, которые дуют по течению трех основных рек, протекающих неподалеку от деревни. Подобные ветры, которые дуют по направлению речных долин, можно классифицировать как «речные» [Мурзаев 1995: 54]. Четыре других ветра хорошо известны в других поселках, даже на южном берегу Байкала.

Как показала Стросс в своей «этнографии ветра» (известного как Foehn), в одной из швейцарских деревень ветры, особенно имеющие специальные названия, важны для идентичности местного населения [Strauss 2007]. Влияние, которое оказывает данный ветер на людей, широко известно: люди говорят, что ветер Foehn приносит головную боль, депрессию, увеличивает риск суицидов и вызывает чувство болезненности [Ibid.: 165]. Вообще, названия, которые используют современные жители Холодной, а также описания различных байкальских ветров фигурируют в географической литературе царской эпохи. Например, в середине XIX столетия прибрежными жителями Байкала употреблялись следующие названия ветров: восточный — *баргузин*, северо-западный — *сивер*, юго-восточный — *шелоник*, юго-западный — *полуденник*, западный — *култук* и южный — *гора* [Справочный энциклопедический словарь 1849: 40]. Ветер под названием *баргузин* также нагонял воду в юго-западную часть озера и преобладал с начала весны до конца июля [Семенов 1863: 183; Радде 1858: 112]. Так местные жители называли ветер, который дул со стороны Баргузинского залива. Г. Радде [1858: 112] определил его как восточный ветер. Он обычно непродолжительный, но может поднимать волны, достигающие нескольких метров. Этот ветер

упоминается в известной русской народной песне «Славное море — священный Байкал», в основу которой легло стихотворение сибирского поэта Д. П. Давыдова «Думы беглеца на Байкале» (1848):

Славное море — священный Байкал,
Славный корабль — омулевая бочка.
Эй, *баргузин*, пошевеливай вал,
Молодцу плыть недалечко.

Ветер, известный под названием *култук*, дует с юго-западной оконечности озера [Семенов 1863: 183]. Он получил свое название от залива Култук у юго-западного берега Байкала. Отдаленные ветры вызывали длинные волны, а также нарушали общее равновесие байкальских вод, известное как *зыбь* [Семенов 1863: 183; Радде 1858: 113]. Эти волны считались безопасными для плавания [Радде 1858: 113]. *Култук* может сопровождаться дождливой погодой и штормами. Следуя изгибу озера Байкал, данный ветер постепенно менял свое основное направление от западного до юго-западного и южного. Данный ветер может влиять на уровень воды в некоторых частях озера. Поэтому охотники на ондатру должны учитывать возможное поднятие уровня воды, когда ставят капканы. Если дует *култук*, то капканы необходимо ставить несколько выше, иначе из-за того, что прибудет вода, они останутся пустыми.

Северный ветер в северной части Байкала, а также северо-восточный на среднем и южном Байкале, дующий из долины реки Верхней Ангары, называют *верховик* [Гусев 1990: 145]. В деревне Холодная он известен также как *верх* или *верховой*. Данный ветер сопровождается циклоном и ненастной погодой. Он обычно более продолжительный, чем *култук*. *Култук*, а также *верховик* относятся к продольным, проходным ветрам, дующим из одного конца озера в другой в диаметрально противоположных направлениях [Жамбалова 2000: 195; Мурзаев 1984: 119]. Дует *верховик* обычно с середины августа (может длиться до десяти дней) и обычно сопровождается ясной, солнечной погодой. В то же время данный ветер мог перевернуть судно. Подобная ситуация отражена в эвенкийской сказке, где *верховик* перевернул судно купца, который плыл, чтобы торговать с эвенками: «Поднялся в тот день ветер-верховик, погнал большие волны, разбил карбас и людей по воде разбросал» [Воскобойников, Меновщиков 1959: 227].

Ветры влияют на перемещение вод в Байкале. Например, Радде [1858: 113] писал о том, что «подвижность вод Байкала, от действия на них ветров, необыкновенна и представляет замечательные особенности. От значительной силы, с которой дующие ветры ударяют на поверхность озера, волнообразное движение ее сообщается на изумительно далекое расстояние от того места, где оно начинается». Таким образом, знание о направлении ветров на Байкале помогало местным рыбакам организовать плавание по озеру. Например, ветер *култук*, который дул в августе, был благоприятен для плавания к Верхней Ангаре, в то время как в июне на это путешествие вместо нескольких дней могло понадобиться до нескольких недель [Радде 1858: 113].

Вообще, ветер, дующий с северо-востока озера на запад, в зависимости от районов Байкала имел разные названия: *верховик*, *баргузин*, *север*, *ангара* [Кожов 1960: 22]. Таким образом, одно и то же название на разных участках Байкала могло обозначать различные по направлению ветры. Самым сильным и опасным для рыбаков был северо-западный ветер, называемый местными жителями *сарма* и вызывающий короткие и длинные волны, причем при данном ветре «вся поверхность волн превращается в пену, а сила их движения бывает так велика, что они выбрасывают на берег валуны величиною в человеческую голову» [Семенов 1863: 183]. В 1901 году ветер *сарма*, длившийся трое суток, стал причиной гибели парохода [Мурзаев 1984: 498]. Скорость данного ветра может достигать 40–50 метров в секунду. Этот ветер дует из долины реки Сарма, которая впадает в залив Малое Море. Долина реки Сарма сужается к устью, где она замкнута между отвесных скал, что и является причиной ураганных ветров, называемых *сарма*. В то время как сильные бури, вызываемые северо-восточным и северным ветрами, местные рыбаки именовали *сармою*, менее сильные волнения они называли *горною погодою* [Радде 1858: 114]. Бури могут продолжаться несколько дней и сопровождаться дождевыми тучами и низкой температурой [Там же]. Порывистый ветер, который внезапно срывался с гор, был известен как *гора* или *горная*. В разных местах так называли западный, северо-западный или южный ветер, который преобладал осенью. Одной из разновидностей *горной* является ветер Харахаиха, который переводится с бурятского языка как «черный» и дует из долины реки Голоустной [Жамбалова 2000: 196; Прох 1983]. Второе название этого ветра — Тархаиха, которое происходит от ущелья Тархай. Холод-

ный ветер со стороны реки Селенга получил одноименное название *селенга*. Ветер, связанный со стоком воздуха с вершин Хамар-Дабана, называют *шелоник*. Первоначально *шелоником* назывался юго-западный ветер на озере Ильмень, но позднее данное название было перенесено во многие северные районы России, а также на Байкал [Мурзаев 1984: 626]. Наконец, холодный северный и северо-западный ветер, сопровождавшийся осенью заморозками, известен как *север*, *сивер* или *сиверка*. Охотник из Холодной Андрей Арпиульев сообщил, что на северо-восточном побережье также известен ветер *фролиха*, который дует со стороны одноименного озера.

В Холодной люди знают также *хилос* — пронизывающий зимний ветер, который дует снизу вверх. Данное название, которое не встречается в литературе, не описывает конкретного направления ветра, скорее его можно определить по тому, каким образом он дует и как его ощущает человек. Если *хилос* дует в очень холодную погоду, то, находясь на этом ветру, легко получить обморожение. Если человек заходит в помещение с *хилоса* и у него обморожено лицо, то в подобном случае местные жители рекомендуют растирание водкой или спиртом.

Ветры на Байкале отличаются тем, что могут резко менять свое направление. Так, Г. Радде [1858: 112] наблюдал «частые и внезапные обороты ветров» на озере, а однажды, «во время его путешествия, поднявшийся северо-восточный ветер в течение двух часов прошел по всем главным направлениям ветровой розы и притом не в последовательном порядке, но самыми неправильными урывками, останавливаясь на короткое время то на одном, то на другом ромбе». Кроме того, он отмечал, что «лишь редкие вечера видел поверхность воды совершенно спокойною и почти всегда, во время его плавания вдоль берега, при совершенном безветрии, лодка его колыбалась на широких длинных волнах, которые хотя никогда не перекидывали, но все-таки, пенясь, раскатывались по берегу» [Там же: 113]. Как писал Стахеев [1869: 58], зимой редкий день не бывает на Байкале ветра с той или иной стороны. А в зимнее время ветры сдувают снег с тех мест, где Байкал покрылся ровным льдом, и «лед делается блестящ, как зеркало» [Там же].

Весной и летом ветры, которые дуют с Байкала, приносят холод и дожди, а в ноябре и декабре они теплее, чем ветры других направлений [Крюков 1896: 44]. Как говорят местные жители, пока Байкал не покрылся льдом, он служит «гигантским обогревателем»

для прибрежных населенных пунктов, а летом и весной он, наоборот, выполняет функцию «холодильника». По этой причине зимой в Холодной гораздо теплее, чем в Куморе и Старом Уояне, расположенным на достаточно удаленном от Байкала расстоянии. Как заметили жители Холодной, если в их деревне -30°C , то в горах в бывшем геологическом поселке Перевал или в Старом Уояне температура может упасть ниже 50° . Как сказала Екатерина Леонидовна Филимонова из Холодной: «Тут зима мягкая. Спасибо Байкалу!».

Сильные ветры оставляют свои следы на поверхности земли. Они могут стать причиной падения деревьев, распространения пожаров и разрушения конструкций. Сильный ветер может сопровождаться *ветровалом*. Так, недалеко от места, где учителя киндигирской школы обычно проводят с учениками осеннюю ондатровку, ветер повалил много старых кедров. Если начался ветровал, то в лесу находится опасно, нужно искать открытое пространство. Поэтому Виктор Алексеевич Ганюгин и Аркадий Петрович Лекарев, которые находились в этом месте, выбежали из леса на железнодорожную насыпь и ждали там, пока успокоится буря. Из стволов упавших деревьев потом построили зимовье, которое позднее стали использовать для ночлега во время ондатровки. Место, где расположено зимовье, местные жители называют Кордон. Из-за того что в качестве материала для строительства использовались деревья, поваленные ветром, данное зимовье получилось особенным. Главное его отличие от охотничьих зимовий заключалось в том, что его соорудили из толстых стволов. Когда охотники сами заготавливают материалы для строительства, они обычно не выбирают толстые бревна. Таким образом, на месте, называемом Кордон, ветер, поваливший деревья, «обеспечил» охотников на ондатру строительными материалами. Вследствие того что в данной местности дуют сильные ветры, местные жители избегают строить зимовья рядом с крупными деревьями. В Холодной рассказывают, что один раз упавший кедр разрушил у зимовья крышу. Вообще, ветры могут приносить не только существенный вред деревьям, они также влияют на их рост, форму и экологию [Coutts, Grace 1995]. Как говорит учитель киндигирской школы Виктор Алексеевич Ганюгин, посадки молодых кедров необходимо предохранять от ветров, так как ветры уже стали причиной гибели одной из посадок. Поэтому он с учениками делал специальные столбики возле молодых кедров в месте, получившем название Первый Стан, чтобы их не сломал ветер.

Ветры и архитектура

Вообще, эвенки учитывали направление и силу ветров при сооружении юрт. Так, тугурские эвенки ориентировали двери не по сторонам света, а в зависимости от ветра, старались ставить их с подветренной стороны [Петри 1930: 36]. На Северном Байкале речные долины, где местные жители заготавливают сено, хорошо продуваются ветром. Поэтому эвенки учитывали розу ветров при строительстве юрты. Как сообщил Виктор Алексеевич Ганюгин, юрту нужно ориентировать так, чтобы ветер не задувал в дверь и печку. Кроме того, скат крыши в зимовьях местные охотники всегда делали с учетом ветров. Необходимость предохранять от сильных ветров мобильную архитектуру заставила эвенков использовать ряд специальных приспособлений. Например, сейчас на покосе Виктор Алексеевич Ганюгин покрывает юрту полиэтиленом, а сверху натягивает рыболовную сеть, чтобы покрытие юрты плотно прилегало к остову и крепко держалось (рис. 21). Подобный способ

Рис. 21. Юрта на покосе, покрытая рыболовной сетью. Река Кичера, Северобайкальский район, Республика Бурятия, август 2009 года (фото В. Н. Давыдова)

покрытия юрты с помощью «волосяных веревок» был зафиксирован в начале XIX века Г. Спасским [1822: 55].

Существовали и другие приспособления. Владилен Туголуков [1985: 267] пишет, что некоторые группы эвенков укрепляли юрту специальным деревянным кольцом. Оно придавало жесткость конструкции и служило распоркой, препятствующей заваливанию каркаса при сильном ветре [Там же]. Данный элемент конструкции был заимствован эвенками у селькупов и кетов [Там же]. Чтобы сено при сильных порывах ветра не разлеталось, на стоги сверху кладут веревку с привязанными к ней грузиками (рис. 22).

Использование энергии ветра

В заключение можно остановиться еще на одном аспекте, который не затрагивался в данной главе, но может представлять определенный научный интерес, — это использование энергии ветра. Частично этой проблемы касался Лесли Уайт, чтобы обосновать

Рис. 22. Олег Викторович (слева) и Виктор Алексеевич Ганюгины кладут на стог веревку с грузиками, изготовленными из толстых ветвей. Река Кичера, Северобайкальский район, Республика Бурятия, август 2009 года (фото В. Н. Давыдова)

свою неозволюционистскую концепцию, где он ассоциировал использование энергии ветра с «более высокими культурными уровнями» (“higher cultural levels”) [White 2007 (1959): 43]. Тем не менее построение подобной иерархии культур вряд ли можно рассматривать как перспективное направление научного анализа. Следует также заметить, что в этнографической литературе встречаются примеры, как эвенки использовали энергию ветра при передвижении. Например, при использовании собачьей упряжки на льду реки, если движение было по ветру, ангарские эвенки могли поставить на нартах парус, усадить собак с собой и перемещаться; при этом тот, кто управлял нартой, стоял, натянув парус у дышла [Василович 1969: 88]. В последнее время гораздо более обсуждаемой стала проблема использования ветра как альтернативного источника энергии. Однако проекты строительства ветряных генераторов часто встречают сопротивление со стороны местных жителей и экологических активистов. Одна из проблем заключается в том, что ветряные электрогенераторы модифицируют ландшафты и, соответственно, меняют их эстетическое восприятие [Vergunst, Árnason, Macintyre 2009: 150–152]. Несмотря на то что в Байкальском регионе пока не обсуждались проекты строительства альтернативных генераторов электричества, данный вопрос может возникнуть в скором будущем.

Таким образом, как было показано в данной главе, ветры играли важную роль в повседневных практиках эвенков Северного Прибайкалья. Местные жители на Северном Байкале живут, постоянно рефлексируя скорость и направления ветра. В их повседневных практиках важно улавливать малейшие изменения этих характеристик. Знать направление ветра важно не только охотникам, для того чтобы понять, где находится добыча или не спугнуть ее своим запахом, но также оленеводам, которые используют в своих практиках хорошо продуваемые ветром места, чтобы оградить стада от укусов мошки. Кроме того, знания о ветрах на Байкале и протоках рек Кичера и Северная Ангара очень важны для рыбаков, а также для тех, кто занимается заготовкой сена.

Тем не менее проблема ветра, взаимодействия с ветром и его использования является малоразработанной в современной социальной антропологии, этнографии и социологии. Осмысление взаимодействия человека и ветра, а также исследование местных знаний о ветрах чрезвычайно важно для понимания того, как местные жители организуют свои повседневные практики при посто-

янно меняющихся погодных условиях. Таким образом, воздух должен рассматриваться не просто как «посредник» во взаимодействии между человеком и другими людьми, животными и различными материальными объектами, а также различных объектов между собой, но и как важный элемент окружающей среды, который способен влиять на эти взаимодействия. Знания о ветре являются немаловажным элементом локальных знаний об окружающей среде, они позволяют местным жителям прогнозировать погодные явления и координировать свои текущие практические задачи.